
ТАЙНА
БЕГЛЯНКИ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЕ ФЕНТЕЗИ
ВИКТОРИЯ РЭД ХАРТ

Виктория Рэд Харт

Тайна беглянки

«Автор»
2026

Рэд Харт В.

Тайна беглянки / В. Рэд Харт — «Автор», 2026

Она всегда жила в мире науки и чётких законов. Но когда, спасая свою жизнь, ей пришлось убить, единственным шансом избежать петли стал побег. Путь один — в мифический Эшфор, запретный город-остров магов, о котором говорят лишь шёпотом.Чтобы добраться туда, нужно пересечь Территорию Беззакония, где становятся трупом из-за косого взгляда. Но другого выбора нет. Кайя держит курс на Эшфор.Странно только, что с каждым шагом её всё сильнее гложет одна мысль: она не убегает. Она возвращается.Что ждёт её в городе магов? И найдётся ли там место под солнцем для той, кто ещё не знает всей правды о себе?

© Рэд Харт В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 17
Глава 8 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Виктория Рэд Харт
Тайна беглянки

Глава 1

«Бежать, бежать» громко пульсировала в голове мысль. «Иначе смерть. Ведь как докажешь что это самооборона, что это незнакомый мужчина проходил мимо, потом обернулся, взгляд его изменился, он будто узнал меня и резко напал на меня. Я отпрыгнула сразу, молниеносно, будто тело предчувствовало нападение. И только тогда заметила у него нож. Видимо под действием адреналина я стала двигаться быстрее и увереннее, парой движений отбила его атаки, а потом таким же уверенным движением перехватила нож и вонзила в сердце одним рывком.» И сейчас стояла над телом, судорожно думая что делать? «Бежать но куда?»

Оттащив тело этого странного мужика в кусты, накрыв частично его же плащом, я внимательно изучала его лицо. Незнаком он мне, сколько не пытаюсь вспомнить. Никогда его не видела, да и лицо у него необычное для нашей территории. Сейчас начало весны, все бледные. А он загорелый. И что я скажу полиции, что незнакомый пришлый мужчина вдруг напал на меня без повода. А я так легко отбилась от мужчины в два раза больше меня и убила. Не поверят. А наказание за убийство только одно, смерть.

«Бежать, бежать. Но куда?». Вся наша цивилизация хоть и имеет разные страны и нации, объединена одним советом. У нас на всей территории континента действуют общие правила и законы. Девиз континента разные народы - одна цивилизация. Это дает возможность легко путешествовать по разным странам, объединятся в научных целях и противостоять территории беззакония.

Существует лишь одно место, где меня не достанут законы цивилизации, город Эшфор. Город магически одаренных, но между мной и им океан и территория беззакония, где поводом для убийства может стать даже косой взгляд на человека.

Я добралась до дома, пока думала над этим. Благо я была недалеко, моя небольшая квартирка располагалась на третьем этаже в не самом хорошем районе. Районе, где никому нет дела до чужой беды, что сейчас было моим единственным благом.

Ключ скрипнул в замке, звук показался невероятно громким. Я вжалась в дверной косяк, прислушиваясь к лестничной клетке. Тишина. Только капли с моего плаща стучали по полу.

Войдя внутрь, я впервые за долгое время увидела свое жилище чужими глазами. Теснота. Скромный, почти убогий хаос сиротства. Книги, нагроможденные на подоконнике, выцветшая занавеска. Грубая кружка на столе, рядом — крошки от утреннего хлеба. На стене — единственное украшение, старая карта континента, подаренная когда-то школьным учителем. Я всегда водила пальцем по краю, где за линией «Территории Беззакония» был нарисован загадочный Эшфор. Загадочный далекий город на отдаленном острове.

Прощаться было не с кем. Ни родных, ни близких друзей. Соседи знали меня в лицо, не более. Я была тенью в этом портовом городе, тихой мышкой, которую сегодня кто-то попытался раздавить. И которая дала сдачи.

Действовать нужно было быстро, на автомате. Я вытащила из-под кровати старый, но прочный дорожный рюкзак, тот самый, с которым когда-то приехала сюда из приюта.

Мысли метались, как пойманные птицы, пока руки выполняли привычную работу.

Теплая кофта. Шерстяные носки. Вся еда, что есть: сухари, кусок сыра, жесткая колбаса. (Проклятье, надо было экономить). Аптечка — бинты, йод, обезболивающее. Нож. Не тот, липкий от крови, оставшийся в кустах. Мой собственный, кухонный, с удобной рукоятью.

Деньги. Жалкая горсть монет, отложенных на черный день. Самый черный день наступил.

Документы. Вот они, в картонной папке. Удостоверение личности. Свидетельство об окончании школы. Все, что связывало меня с цивилизацией, с ее законами, которые сейчас хотели моей смерти. Я взяла их, а потом замерла. Они были клеймом. По ним меня найдут в первую очередь.

Я щелкнула зажигалкой, поднесла огонь к уголку удостоверения. Пламя жадно лизнуло бумагу, поползло по моему имени, по печати Совета. Я бросила горящий комок в металлическое ведро и смотрела, как оно чернеет и корчится. Теперь я была никто. Ничья сирота. Преступник в бегах.

Мысль о магическом городе, прежде туманная, вдруг обрела железную остроту.

Остаться — означало ждать. Ждать, пока тело найдут, пока начнут искать убийцу. Я не умела заметать следы, никогда этим не интересовалась. И обязательно найдут, может мой волос, может следы на мокрой глиняной земле, а может кто-то видел меня там. Меня схватят, будет суд — быстрый и суровый. И казнь. Как ягненка на бойне. Я видела это недавно на площади. Находят всех и убивают всех. В нашей цивилизации отличный сыск и наказание неотвратимо и беспощадно.

Добраться до Эшфор — почти самоубийство. Океан, полный неведомых угроз. А потом — Территория Беззакония, где законом был клинок или пистолет. Но там хотя бы был шанс. Маленький, безумный шанс. Там не действовали законы Совета. А если повезет... если я смогу пересечь эту адскую землю... в Эшфоре говорили, принимали таких, как я. Не тех, у кого есть магия. А тех, у кого нет другого выхода.

Это был выбор между верной гибелью здесь и вероятной гибелью в пути. Но в пути я хотя бы дышу. Хотя бы борюсь.

Я подошла к карте. Провела пальцем от нашего порта через весь океан к точке с названием «Эшфор». Путь на край света.

Я надела самый темный и прочный свой плащ, затянула ремень рюкзака так, чтобы он не болтался. Он почти ничего не весил. Мало. Очень мало для такого путешествия. Но больше у меня не было.

Последний раз окинула взглядом свою каморку. Ничего ценного, ничего дорогого. Только жизнь, которую я здесь влачила. Ее я и оставляла.

На пороге я задержалась на мгновение, прислушалась к стуку собственного сердца. Оно билось четко и громко. Не в панике. В решимости.

Бежать. Рискнуть всем. Или сдохнуть как ягненок.

Я погасила свет в квартире и в своей старой жизни и мягко закрыла дверь. На лестнице пахло сыростью и рыбой. Сквозь грязное окно на площадке виднелся кусочек ночного моря, того самого, что теперь было моей первой преградой и единственным путем.

Спускаясь в темноту, я уже не думала о том мужчине, о его загорелом лице. Я думала о портовых доках, о чужих кораблях и о том, как незаметно просочиться на один из них. Первый шаг в тысяче-шаговом пути к призрачному спасению.

Я вышла на улицу, когда последние алые полосы заката тонули в свинцовых водах залива. Туман, вечерний гость порта, уже стелился по камням, скрадывая контуры и превращая огни фонарей в грязные расплывчатые пятна. Я задержалась в тени подъезда, вжимая рюкзак в спину. Первый шаг был самым трудным.

Куда идти? «Скиталец» — название корабля, плывущего в Эшфор, я слышала лишь вскользь. Когда он отходит? Где стоит? Мне нужна была информация, а ночной порт — единственное место, где её можно добыть, не вызывая лишних вопросов у дневных, трезвых людей.

Я свернула в лабиринт узких улочек, ведущих к самым дешёвым, самым тёмным тавернам у воды — к «Рваному Парусу» и «Глотку Дьявола». Воздух густел от запаха перебродившего пива, дешёвого табака и пота. Здесь, в полумраке, заполненном хриплыми голосами, я могла раствориться.

В «Глотке Дьявола» я пристроилась у края стойки, заказала кружку сидра — самое дешевое пойло. Уши были напряжены до предела, ловя обрывки фраз:

«...грузили сегодня странные ящики, все под замком, будто золото...»

«...эти со «Скитальца», видать, опять махнули на материк за безделушками...»

«...капитан Шейд завтра с утренним ветром, говорит, погода благоприятствует...»

Завтра с утренним ветром. Сердце ёкнуло. Времени почти не оставалось.

Глава 2

Когда я вышла, чтобы проверить другой источник, туман стал ещё гуще. Я шла вдоль темных складов, пытаясь сориентироваться, как из тени прямо передо мной материализовалась крупная фигура.

«Эй, пташка, одна гуляешь? Такая поздняя пташка...» — голос был сиплым, дыхание перегаром било в лицо. Мужчина, в два раза шире меня, перекрыл дорогу.

Мысль «спокойно, отойди» пронеслась и испарилась. Вместо неё по телу пробежала странная, холодная волна. Не страх, а что-то древнее и безличное. Когда его рука потянулась, чтобы схватить меня за плащ, моё тело отреагировало само.

Я не отпрыгнула — я сделала короткий, резкий шаг в сторону, под самый его локоть, позволив его же инерции вывести его из равновесия. Его пальцы схватили пустоту. Он повернулся, удивлённый и уже злой.

«Ах ты, стерва...»

Он бросился вновь, более размашисто. И снова мои ноги будто знали, куда двигаться. Лёгкий поворот корпуса, смещение центра тяжести — и его тяжёлая ладонь пролетела в сантиметрах от моего плеча. Это было не искусство. Это был чистый, животный инстинкт выживания, отточенный, казалось, в другой жизни, в другом теле. Тот же самый, что сработал днём, когда на меня напал незнакомец с ножом.

Он пошатнулся, и в его глазах мелькнуло уже не просто желание, а ярость. Это было опасно. Я не ждала третьего подхода. Резко развернувшись, я метнулась в первый попавшийся тёмный проулок между складами и исчезла в тумане, пока он с руганью спотыкался о ящики.

Сердце колотилось, но не от паники. От странного, тревожного возбуждения. Что это было? В приюте меня не учили драться. Наоборот, били за любую попытку дать сдачи. Но это... это было в мышцах. В костях. Как забытый язык тела.

У меня не было времени разбираться. Информация получена: утренний ветер. Мне нужно было место, чтобы переждать оставшуюся ночь и подобраться к «Скитальцу» на рассвете, когда будет суета погрузки.

Я нашла его почти случайно — развал из сгнивших сетей и пустых бочек у самого края причала, в тени огромного, сломанного крана. Оттуда был виден тот самый, особый пирс, где стояло темное, угловатое судно — «Скиталец». На его палубе горело несколько тусклых фонарей, освещающие его название.

Забравшись под груду прогнивших сетей, которые смердели рыбой, я съела несколько сухарей. Холод пробирал до костей, но я была настороже. Я смотрела на корабль. Он был моим билетом в никуда. В место, где законы логики и науки, на которых выросла я и вся наша Цивилизация, не работали. Где работало что-то иное. Что-то, что, возможно, уже начинало шевелиться и во мне самом, пугая и давая последнюю надежду.

Ночь под сетями тянулась бесконечно. Я не спала, наблюдая за «Скитальцем». Примерно за час до рассвета на пирсе появилось движение: несколько тележек с теми самыми запертыми ящиками, сопровождаемые не моряками, а теми же молчаливыми фигурами в серых плащах. Они говорили мало, жестами указывая, куда ставить груз. Их движения были экономными и точными, без суеты.

Именно тогда я заметила и других. Не членов экипажа. Тени, крадущиеся вдоль стен складов, одинокие фигуры с узелками, прячущиеся в темноте. Отчаянные. Как и я. Мы смотрели на один и тот же корабль, видя в нем разное спасение. Их было человек десять, может, больше. Никто не объединялся. Здесь царил закон одиночки: каждый за себя.

Когда небо начало сереть, окрашивая туман в холодные тона, я решилась. План был прост до безрассудства: использовать момент, когда последние ящики будут заносить на борт

по трапу с кормы. Вся охрана будет сосредоточена там. А с наветренного борта, где к обшивке корабля почти вплотную подходили старые, покрытые ракушками и водорослями сваи, можно было попытаться взобраться по скобам, цепям или просто веревке, если повезет.

Я выбралась из-под сетей и, сливаясь с серой предрассветной мглой, стала подбираться к нужному месту. У самой воды, в тени полуразвалившегося сарая, я столкнулась с двумя другими "пассажирами". Мужчина и женщина, оба потрепанные, с диким блеском в глазах. Они не обратили на меня внимания, их шепот долетел до меня сквозь шум прибоя:

«...главное — проскочить в открытый грузовой люк, пока не закрыли...»

«Говорят, на самом Минрасе у причала Некровы уже ждут, если что с судном...»

«Да ну, на «Скиталец» даже пираты с Полосы не сунутся. Тронешь корабль Эшфора — это тебе не каперскую лицензию потерять, это войну навлечь. У них там за каждую заклёпку ответят...»

Минрас. Я впервые слышала это название. Так они сами называли Территорию Беззакония. Звучание веяло древностью, как имя павшего королевства.

Второй голос, женский, прошипел с еще большим страхом:

«Война — войной, а нас-то зачем везут? Корм для местных? Слышала, на побережье ковен вампиров стоит. И кланы оборотней в лесах. А в городах-призраках — маги-некроманты, которые людей на ингредиенты разбирают. Нам-то там что, убежище дадут?»

«Дадут когти в горло, — мрачно проворчал мужчина. — Но здесь-то петля. Там хоть шанс. Хоть день, да твой. Говорят, в Эшфор берут, если дойдёшь и докажешь, что ты чего-то стоишь... или что у тебя дар проклюнулся...»

Дар. Это слово снова обожгло. Я незаметно отползла дальше, к сваям. Их слова крутились в голове. Минрас. Некрова. Кованы. Кланы. Не просто беззаконие — чужая, жестокая, но сложно устроенная цивилизация, враждебная моему миру. Миру, который теперь хотел моей смерти.

Настал момент. На корме загрохотали, принимая последний ящик. Часовые на наветренном борту на мгновение повернули головы к шуму. Это был мой шанс.

Я подбежала к воде, отыскала взглядом свисающий с борта конец мокрого каната — вероятно, от шлюпки. Не думая, схватилась за него. Руки, привыкшие к тяжелой работе, держали крепко. Ноги, в которых ещё жила память о странной ловкости прошлой ночи, нашли опору в шершавой обшивке корабля. Я лезла вверх, не оглядываясь, сжимая зубы, чтобы они не стучали от страха и напряжения.

Через какое-то время — вечность или мгновение — моя рука нащупала поручень. Я перевалилась через него и скатилась в тёмный, узкий проход между каким-то люком и стеной надстройки. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться. Я затаила дыхание.

Мимо, в двух шагах, прошли чьи-то сапоги. Послышался спокойный, низкий голос какого-то моряка:

«...палубный груз закреплён. «Голодные тени» у Некровы подтвердили встречу. Пройдём их воды к рассвету завтрашнего дня».

Второй голос, с лёгким, чуждым акцентом, ответил:

«Хорошо. А этот... «балласт» в трюме? Надеюсь, не устроят драки. Нам лишних проблем с Минрасом не нужно. Пусть тихо сидят, пока не высадим».

«Балласт». Так они называли нас. Отчаявшихся. Беглецов, которых на корабле оказался целый трюм. Кто-то заплатил за проход на корабль, но многие, как и я забрались туда тайком.

Я прижалась к холодному металлу, закрыв глаза. Я была на борту. Корабль, охраняемый могуществом далёкого города магов, уносил меня из мира законов и науки в мир беззакония и чудес — в Минрас. Территорию, где моя человеческая суть могла стать как проклятием, так и ключом. И пока «Скиталец» с глухим гулом начал отдавать швартовы, я могла только надеяться, что шанс, на который я обменяла верную смерть, не окажется отсроченным приговором.

Глава 3

Прошло, казалось, целую вечность. Дни и ночи слились в одно монотонное мучение: качка, скрип дерева, смрад немытого тела и страха. Я сидела, прижавшись спиной к холодной переборке в самом дальнем углу трюма, который нам, «балласту», отвели. Воздух был густым и тяжелым. Запах пота, рвоты и безнадежности.

Мои запасы — жалкие сухари и сыр — кончились два дня назад как и вода. Тело ныло от голода и постоянной сырости. Рядом, в полумраке, лежали двое, кто уже не встанет. Их просто оттащили к стенке, накрыли рваным брезентом. Смерть здесь была обыденной, как сквозняк.

Голод — великий двигатель отчаяния. Страх быть пойманной и выброшенной за борт боролся в моей голове с животным инстинктом выжить. Инстинкт победил. Нужно было найти еду. Я слышала, как некоторые из нас, те, у кого оставались ценности, платили матросам за миску похлебки и место повыше, в относительной сухости. У меня же уже не было ничего, кроме ловкости, которая уже дважды меня выручала.

Я ждала, когда наступит смена вахт, и в трюме наступит относительное затишье. Пробираясь между спящими телами, я поднялась по узкой служебной лестнице, ведущей не на палубу, а в глубь корабля — к камбузу. Мне удалось незаметно протиснуться в низкий, душный коридор.

Притаившись за грудой пустых мешков, я услышала голоса. Двое из экипажа — один с небольшим жезлом на поясе, другой здоровяк с топором — стояли у двери и общались.

«договор с кланом «Серебрянные клинки» действует до завтрашнего полудня. Их шлюпка скоро приедет за платой, — доносился низкий, спокойный голос, вероятно, одного из офицеров. — Им хватить, как думаешь? - спросил он немного тише первого.

Конечно, - спокойно и уверенно сказал первый мужчина. - целый трюм. Куда уж больше. - и ухмыльнулся.

Второй же нервно выдыхая сказал -. До Эшфора рукой подать, меньше суток хода. Главное — пройти их воды до начала того шторма, что с севера клубится».

Эшфор уже близко. Шторм приближается с севера. Информация оседала в сознании тяжелыми, ледяными осколками. Голод истощил тело, сил почти не осталось.

Когда шаги затихли, проскользнула на камбуз. В полумраке нашла чью-то миску еще не полностью остывшей овсяной похлёбки с сальными вкраплениями и несколько лепешек. Не думая о последствиях, жадно, выпила похлебку, заглатывая даже не жуя. Желудок, сжатый в тугой узел, сначала взбунтовался, но потом принял пищу, и по телу разлилась призрачная, дрожащая теплота. Осмотрелась дальше, нашла бочку с водой. Зачерпнула уже опустевшей миской и выпила. Заполнила свою бутылку водой и , сунула в карман найденные лепешки и, крадучись, пошла обратно.

Когда уже почти добралась до знакомого люка, ведущего в трюм, корабль содрогнулся от глухого, страшного удара. Не штормового. Целенаправленного. Раздался оглушительный треск ломающегося дерева и рёв чего-то чужого, пронзительного — не то снаряда, не то сгустка дикой, необузданной энергии.

Сверху, с палубы, донесся нечеловеческий крик и вопль часового: «Измена! На нас напали! Клинки напали! »

Всё произошло мгновенно. Корабль сотряс новый удар — на этот раз прямо в борт. Раздался звук рвущейся обшивки и рёв врывающейся внутрь соленой воды. Паника стала почти осязаемой, меня волной выплеснуло из открытого люка навстречу — люди, крича, карабкались вверх, давя друг друга.

Я отпрянула, прижавшись к переборке. Сверху лилась вода, смешанная с чем-то тёмным и маслянистым. Крики, лязг оружия, те самые леденящие завывания, что я слышала у камбуза, теперь гремели на палубе во всю силу. «Скиталец» брали на абордаж.

Мимо пронесли раненого охранника, его рука была обмотана тканью, пропитанной странным, фосфоресцирующим зелёным светом. Слышала отчаянные крики капитана, пытающегося собрать людей у грот-мачты. И ещё один голос, полный ужаса и ярости: «Связи нет! Портал не открывается! Их маг что-то делает с пространством! Мы в ловушке!»

Корабль кренился всё сильнее. Часть пола рядом внезапно ушла из-под ног — это «балласт» из трюма, смытый водой, вырывался наверх, только чтобы попасть под удары сражающихся. Всё было окрашено в оттенки хаоса, крови и синевато-красного призрачного света чужой магии.

И в этот момент в борт, прямо в надстройку рядом со мной, врезалось что-то огромное и тяжёлое — обломок вражеского корабля или выпущенное им ядро. Удар был сокрушительным. Переборка выгнулась внутрь, и меня, вместе с обломками дерева и клубами солёных брызг, отбросило через развороченный борт в темноту.

Холод ошеломил. Грохот битвы мгновенно приглушился, сменившись рёвом воды в ушах. Меня покрутило в водовороте, вышвырнуло на поверхность на секунду — успела увидеть горящий, кренящийся «Скиталец», облепленный чёрными фигурами абордажников, и громадную, нависающую над ним тень другого судна с синим, светящимся знаком на парусе.

Затем накрыла очередная волна, больше и сильнее предыдущих. Я беспомощно барахталась в воде пока не захлебнулась, солёная вода обожгла лёгкие. Тело, наконец-то недавно получившее пищу, теперь отказалось бороться, сдавшись ледяной тяжести одежды и неумолимой тяге в глубину.

Тёмные волны уносили меня прочь от места боя, в открытое море, навстречу набирающему силу шторму. Света «Скитальца» и его убийц быстро не стало видно. Остались только ночь, вой ветра и всепоглощающий холод.

Глава 4

Сознание возвращалось обрывками. Солёный вкус на губах, скрип песка под щекой, медленное, болезненное биение сердца. Я открыла глаза.

Надо мной было небо — не предрассветное, как в последний момент ясной памяти, а уже вечернее, окрашенное в золотые и багровые тона заката. Я лежала на песке. Не на камнях, а на огромном, почти бесконечном песчаном пляже. Он был странным. Ближе к воде, метрах в пятидесяти от неё, тянулась полоса влажного, темного песка, но самой воды там не было. Лишь дальше, ещё через сотню метров, начиналась мелководная зона с водой по щиколотку, а за ней — уже обычная морская гладь. Получалось, что берег отступил, обнажив огромную полосу суши. Отлив. Невероятно сильный отлив.

Я с трудом поднялась. Тело было одним большим синяком, но целым. Память накатила — ледяная вода, темнота, потеря сознания... И вот я здесь. Жива.

Повернув голову, я увидела вдалеке, справа, если стоять лицом к морю, очертания города. Не портового, как мой родной, а скорее, прибрежного: светлые стены, остроконечные крыши, набережная. До него было, возможно, полчаса ходьбы по пляжу.

Но между мной и городом была жизнь. На песке расположились люди. Часть явно отдыхала: загорала на полотенцах, играла с мячом, дети строили замки из влажного песка. Это была мирная, почти идиллическая картина после кошмара на «Скитальце».

Но другая часть людей... они вели себя иначе. Небольшие группы по три-четыре человека, рассредоточенные вдоль воды, напряженно вглядывались в море. Они не купались, не смеялись. Они методично прочесывали взглядом линию горизонта и кромку воды, иногда заходя в мелководье. Их движения были целеустремленными, профессиональными. Они что-то искали. А рядом с каждой такой группой стоял один-два человека, которые, наоборот, смотрели не на воду, а на пляж, на отдыхающих, на дорогу, ведущую к лесу. Прикрывали. Контролировали периметр, чтобы никто не обратил внимания на работу их товарищей.

Ледяная догадка пронзила сильнее, чем океанский холод. Серебряные Клинки. Они не просто напали на корабль. Они пришли сюда, на этот берег, чтобы завершить работу. Найти и прибрать выживших. Чтобы никто и никогда не рассказал в Эшфоре, что «Скиталец» не погиб в шторме, а был захвачен и разграблен.

Город был спасением. Но как в него попасть? Какие там законы? ЕСли спросят документы? Чтосказать? Что она прибыла не на корабле, а волной? Её тут же свяжут со «Скитальцем». А если Клинки уже договорились с городскими властями?.. Мысли путались, но одно было ясно: надо держаться подальше от ищущих.

Я заметила молодого человека, который, разгоряченный игрой в мяч, бросил своё полотенце на песок и побежал к воде. Решение пришло мгновенно. Пригнувшись, подобрала брошенное полотенце, скинула свою промокшую, рваную куртку и завернулась в чужую, сухую ткань. Теперь в простой, мокрой рубашке и брюках, с полотенцем через плечо, я стала чуть больше похожа на тех, кто просто пережидал жару у воды.

Двинулась вдоль кромки песка, не по самому пляжу, где было много глаз, но и не углубляясь в начинавшийся прямо за пляжем лес. Тот лес пугал. Он был слишком тёмным, слишком густым, и от него, казалось, пахло сырой землёй и чем-то затхлым. И чувствовалось — оттуда смотрят.

Шла, стараясь не привлекать внимания, не глядя прямо на группы ищущих, но краем глаза отслеживая их перемещения. И почти уже обошла одну такую группу, когда путь преградила тень.

Это был один из тех, кто стоял на периметре. Высокий, с плечами, которые, казалось, не влезли бы в обычную дверь. Мышцы под тонкой светлой рубашкой бугрились, как камни.

Шея была толщиной с мое бедро. Но больше всего поразили глаза. Холодные, серо-стальные, с неестественным, почти металлическим блеском. И кожа — слишком бледная для человека, целый день проведшего на этом залитом солнцем пляже.

Он улыбнулся. Улыбка была широкой, дружелюбной и совершенно не дотягивавшей до тех глаз.«Какая погода после шторма, а? — начал он, и его голос был на удивление мягким. — Вода ушла... прямо как на том пляже, как его... ну, этот...на Пятишке? Или... напомни-ка, как там у вас, местных, называется это место?»

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Это была ловушка. Проверка. Она лишь растерянно кивнула, пытаясь изобразить усталость и безразличие.

Но этого было достаточно. Блеск в его глазах сменился на острый, хищный интерес. Дружелюбие испарилось, как вода на раскалённой сковородке. Улыбка превратилась в оскал. И тогда я увидела их — длинные, острые, неестественно белые клыки.

«Попалась, пташка, — прошипел он так тихо, что услышала только она. — И как же ты умудрилась выплыть?.. Видимо, не просто мышь. Магичка, что ли?.. Будешь мне... вкусным уловом».

Затем он резко выпрямился, и его голос громыхнул на весь пляж, полный фальшивого гнева: «Как ты смеешь! Оскорблять Клинков прямо в лицо?!»

Его крик был сигналом. Второй охранник из их группы, тот, что стоял ближе к трем их товарищам, замершим в странном кругу (они и правда что-то нашептывали, почти не двигаясь), обернулся и тут же подхватил: «Что? Кто посмел?! Сейтр покажи кто такие клинки! »

Отдыхающие вокруг на секунду замерли в недоумении, но атмосфера сменилась мгновенно. Игру в мяч прекратили, люди стали отползать.

А первый вампир уже двигался на меня. Не бежал — он наступал, с грацией огромного хищника, отрезая путь к лесу и к городу. Его глаза теперь горели не просто блеском, а настоящим голодом.

Я отпрянула, инстинктивно приняв ту самую странную, готовую к обороне стойку, которая уже дважды спасала мою жизнь. На пляже пахло морем, солнцем и страхом. И спасения не было видно нигде.

Глава 5

Он напал с размаха, могучим кулаком, способным размозжить череп. Но его движение было грубым, рассчитанным на запугивание и подавление, а не на бой с равным. Мое тело среагировало само — легкий поворот корпуса, и кулак просвистел в сантиметре от виска. Ветер от удара взметнул мои волосы.

Сейтр замер на мгновение, удивлённый. Потом низкий, раскатистый смех вырвался из его груди. «Ловко, мышь! Но тебе не уйти от меня. Я — Сейтр. Не просто Клинок. Я — сильнейший охотник Восточного берега. Для такой, как ты, — честь стать моей пищей. Твоя сила... я чую её в твоей крови. Она сделает меня ещё могущественнее!»

Он атаковал снова, быстрее, яростнее. Его удары были градом, но я парировала их не силой, а странной, интуитивной пластикой, уворачиваясь, отступая, как тростинка под бурей. Я видела, как его товарищи по клану, не прерывая своего «обряда» у воды, сдвинулись так, чтобы своими телами закрыть происходящее от случайных взглядов с набережной города. Они создавали живую ширму. *Им нельзя, чтобы это видели в городе*, — пронеслось в голове. *Значит, у города свои законы, и открыто охотиться на людей на пляже им запрещено.*

Эта мысль придала странную уверенность. Я была не просто жертвой в ловушке. Я была свидетелем, нарушившим их правила игры.

В ярости от моей неуловимости, Сейтр сделал ошибку — он протянул руку, чтобы схватить меня за горло, уверенный в своей подавляющей силе. Его пальцы, холодные и твёрдые, как сталь, сомкнулись на моем горле.

И в этот моментво мне что-то щёлкнуло. Не мысль, а знание. Знание того, как устроено это тело, держащее её. Где уязвимость. Свободная рука взметнулась не в захват, а в молниеносный, отточенный удар. Не кулаком — сложенными, жёсткими пальцами, словно клювом хищной птицы.

Удар пришёлся точно в центр кадыка.

Раздался глухой, хрящевой хруст. Рев Сейтра превратился в хриплый, захлёбывающийся свист. Его глаза выкатились от шока и внезапной, страшной нехватки воздуха. Железная хватка ослабла. Он судорожно схватился за горло, изогнулся, лицо начало быстро темнеть.

Я не стала ждать. Отпрыгнула на шаг назад, освободившись. Сейтр рухнул на колени, потом грузно завалился на бок, бьясь в беззвучных, ужасных конвульсиях, пытаясь втянуть воздух в раздавленную трахею.

Я же просто стояла над ним, тоже тяжело дыша. Внутри была пустота и ледяная ясность. Для зрителей это выглядело так, будто я нанесла один сильный, удачный удар, и могучий охотник «всего лишь» оказался выведен из строя, задыхаясь. Смерть была неочевидной, пока рядом не окажется лекарь.

«Поспи, дружок», — произнесла я ровным, чуть хриплым от напряжения голосом, глядя на его дергающееся тело.

Тишина на пляже стала плотной. Отдыхающие замерли. Его сородичи тоже не сразу поняли масштаб произошедшего. Они видели, как их лидер упал, как он хрипит, но в их глазах читалось скорее ярость и нетерпение — *вставай и добей её!*— чем осознание потери. Они застыли в нерешительности, ожидая, что он вот-вот поднимется.

Я использовала эту паузу. Медленно, не поворачиваясь к ним спиной, сделала шаг назад. Потом ещё один. Я шла в сторону города, краем глаза наблюдая за ними и за неподвижным телом Сейтра. Спина горела от ожидания.

Лишь когда я отошла уже метров на пятнадцать, один из Клинков, помоложе, не выдержал и рванулся к своему предводителю. Он наклонился, тряхнул его за плечо, потом резко приложил ухо к груди, к шее. Его поза изменилась мгновенно — спина напряглась, голова

резко поднялась. Он что-то дико, беззвучно прошипел остальным, указывая на горло Сейтра и на меня, удаляющуюся девушку.

Тогда на их лицах изумление сменилось холодной яростью, смешанной с внезапной, звенящей тревогой. *Она не просто ранила. Она убила. Мгновенно. Тихо.*

Между ними завязалась тихая, шипящая перепалка, полная гнева и теперь уже откровенного страха. Их глаза метались от тела Сейтра ко мне, такой хрупкой и такой смертоносной.

Именно тогда они и начали действовать. Быстро, слаженно, но теперь уже с оглядкой, с дистанции. Их движения потеряли прежнюю уверенность. Четверо из них встали так, что их тела образовали неправильный, изогнутый коридор, полностью скрывая от моего взгляда и от взглядов города того, кто остался позади них — пятого.

Я почувствовала опасность ещё до того, как увидела блеск. Это был не звук и не движение — скорее, сгущение угрозы в воздухе. Мгновение на раздумье не оставалось. Я резко отскочила от своего места, не далеко, буквально на шаг. Стальной блеск мелькнул в воздухе. Что-то холодное и острое просвистело там, где только что была моя голова. Но моя рука, движимая тем же слепым инстинктом, что заставил меня отскочить, уже была на пути. Не хватка, а плавное, принимающее движение, как будто я ловила брошенный ей мяч.

Лязг. Лёгкая вибрация прошла по костям. В моих пальцах оказалась рукоять короткой, изящной шпаги. Импульс его ещё не погас. Я не думала, не целилась. Мое тело было одной сплошной, раскрученной пружиной. И рука, поймавшая клинок, тут же описала резкую, короткую дугу обратно.

Клинок вырвался из пальцев и полетел по той же низкой, стремительной траектории, почти параллельной земле, сияя в косых лучах заката.

Из-за живой стены, из самого конца того скрытого коридора, раздался короткий, прерывистый выдох — больше удивления, чем боли. Потом — глухой звук падения тела на влажный песок.

Оставшиеся четверо вампиров застыли, как изваяния. Их головы повернулись к упавшему товарищу, потом — ко мне, к моим теперь уже пустым рукам. На их бледных лицах не осталось ни ярости, ни изумления. Теперь там был чистый, первобытный ужас. Они смотрели на меня, как на нечто невозможное: “Она не просто убила Сейтра удачным ударом. Она поймала и метнула обратно шпагу, посланную лучшим метателем клана, одним движением, без единой лишней секунды на осмысление.” Это было за гранью их понимания.

Я же, используя момент, двинулась дальше. Твёрдым шагом по влажному песку к огням города, которые теперь казались такими близкими и такими далёкими одновременно. Я чувствовала на себе их взгляды, впивающиеся в спину, но шагов сзади не последовало. Люди впереди, те самые отдыхающие, расступились, пропуская меня с выражением смешанного ужаса и странного почтения. Пока никто не нападал — видимо, они не знали как, или боялись больше, чем хотели отомстить. Только шум прибоя и звенящая в ушах тишина сопровождали меня.

Но Серебряные Клинки не отступили. Они просто сменили тактику. Вместо того чтобы преследовать по открытому пляжу, они стали отходить в сторону, к темной линии леса, что начинался прямо за полосой песка. Их фигуры растворялись в густых сумерках под деревьями, и вскоре от них остались лишь бледные пятна лиц да холодные отсветы глаз. Они ушли, но не исчезли. Они отступили в свою стихию — в темноту, откуда теперь наблюдали.

Именно тогда я и обратила внимание на воду.

Глава 6

Пока я сражалась и шла, вода начала возвращаться. И не просто возвращаться, а накатывать с неестественной, тревожной скоростью. Тот огромный, обнажённый участок влажного песка, по которому я шла, теперь стремительно исчезал под наступающей волной. Вода уже лизала подошвы, потом дошла до щиколоток, до колен.

Я оглянулась. Пляж, ещё недавно полный людей, был теперь пуст. Ни загорающих, ни игравших в мяч. Как будто по невидимому сигналу все разом ушли, зная что-то, чего не знала я. Солнце полностью скрылось за горизонтом, и сумерки сменились почти мгновенной, густой ночью. Не городской, а глубокой, морской ночью, где единственным светом стали далёкие, манящие огни города... и странное, фосфоресцирующее свечение, поднимавшееся из самой воды.

Волны вокруг меня светились призрачным, голубовато-зелёным светом. Каждая капля, каждый всплеск оставлял в воздухе короткий сияющий шлейф. В воде, на уровне бёдер, медленно плыли прозрачные, студенистые создания — огромные, похожие на медуз, с тонкими, светящимися нитями-щупальцами. Они колыхались в такт волнам, делая море похожим на звёздное небо, перевёрнутое вниз головой.

А из леса, теперь уже полного тьмы, зажглись десятки пар глаз. Красных и серебряных. Они не двигались, просто смотрели. Смотрели с немой, терпеливой жаждой. Вода была для них барьером, или им просто было интересно наблюдать, что будет дальше. Но их присутствие было осязаемым — плотная стена голода и ярости, упирающаяся в кромку светящегося моря.

Именно поэтому я не повернула назад, на пляж. Вода, пусть странная и пугающая, казалась меньшим злом, чем тот лес, полный глаз. И тут меня настигло воздействие самой воды. Сначала просто лёгкое головокружение, будто от усталости и адреналинового отката. Потом звуки — шум прибоя, её собственное дыхание — стали отдалёнными, приглушёнными, будто доносящимися из-под толстого слоя ваты. Вместо страха пришла странная, пьянящая эйфория. Мышцы обмякли, тревога растворилась в тёплом (хотя вода была холодной) потоке безмятежности. Сознание затуманилось, мысли плыли, как те самые светящиеся медузы.

Я увидела, как мимо, разрезая светящуюся гладь, проплыла девушка, стоя на длинной доске. Она была похожа на призрак — бледная, с мокрыми тёмными волосами, её лицо было спокойным и отстранённым. Девушка скользила без единого всплеска, будто невесомая.

«...как... попасть в город?» — услышала я свой собственный голос, странно искажённый, будто из-под воды.

Девушка на доске медленно повернула ко мне голову. Её глаза были такого же фосфоресцирующего голубого цвета, что и вода. Она не улыбнулась. Не ответила. Просто подняла руку и указала. Не на городские огни, а вглубь моря, туда, где вода была темнее, а свечение — ярче и гуще.

И, повинуясь этому безмолвному жесту, словно в трансе, я сделала шаг. Потом ещё. Вода поднялась до пояса, до груди. Эйфория нарастала, звуки мира окончательно исчезли, сменившись лишь гулом в собственных висках и тихим, гипнотическим шепотом волн. Голова кружилась, тело стало ватным.

"Я тону " мелькнула где-то на задворках сознания последняя, слабая, почти безразличная мысль.

Я не боролась. Просто позволила воде сомкнуться над головой, увлекая меня в глубину, в мир тишины, сияющих медуз и тех, кто ждал меня в тёмном лесу на берегу. Последнее, что я увидела на поверхности, прежде чем свет огней города распался на дрожащие блики, — это неподвижные огоньки красных и серебряных глаз, пристально наблюдавшие за тем, как море забирает свою добычу.

Глава 7

Сознание вернулось внезапно, как щелчок. Хотя «вернулось» — громко сказано. Оно было похоже на кусок льда, плавающий в тёплом сиропе: спутанное, вязкое, не мое собственное. Я проснулась от чьего-то зова. Голос был настойчивым и печальным.— Кайла. Кайла, проснись. Милая, проснись.

Я открыла глаза. Надо мной был низкий, серый потолок, пропахший хлоркой и чем-то ещё, сладковато-приторным — смертью. Я лежала на чём-то твёрдом и невероятно холодном. Сверху меня прикрывало тонкое, грубое белое покрывало, наброшенное с головой. От боли в голове и странного транса мир плыл перед глазами. Я с трудом села, покрывало сползло.

Рядом, на таком же холодном столе, лежала женщина. Пожилая. Её лицо было бледным и прозрачным, как пергамент, но глаза они смотрели прямо на меня. Или сквозь меня. Или одновременно и на меня, и сквозь стены. Женщина была похожа на призрака, застрявшего между мирами. Она лежала неподвижно, но её губы шевелились беззвучно.

— Кайла, — позвала та же женщина, её губы теперь двигались в такт знакомому голосу. — Милая, ты ли это?

Голос был тёплым, проникновенным, каким-то родным. И от этого было в тысячу раз страшнее. В голове пронеслась ясная мысль: *Я — Кайя. А не Кайла*. Но стоит ли говорить это этой странной, пугающей, но такой маняще близкой женщине? Голова гудела, мысли путались.

— Кайла, не сосредотачивайся на имени, — мягко, но властно произнесла женщина. Её губы улыбнулись печально. — Иначе я не смогу с тобой попрощаться. Силы почти не осталось.

— Я Кайя — попыталась я поправить, но голос был хриплым и чужим. — Я вам никто Не прощайтесь со мной. Подождите свою Кайлу

Женщина замолчала, закрыв глаза. Казалось, она куда-то уходит, её образ стал ещё прозрачнее.— Значит, им удалось — прошептала она, и в её голосе прозвучала горькая радость. — Как же хорошо. Они изменили имя в записях спрятали тебя.

Потом голос окреп, стал чётким, пронизывающим, как луч света в темноте морга.— Я — твоя бабушка, Элиана. А ты — моя внучка. Здесь, на этом континенте, твоё истинное имя — Кайла Вольфин. Я была менталистом и передала тебе много знаний для тела и ума. Твой дар мы скрывали, он был нежеланным для многих. Но кто-то предал. Твой дар, ещё неокрепший тогда, стал известен ему. Они пришли за мной. Убить менталиста сложно, но им хватило яда и предательства.

Видения хлынули в сознание Кайи не как воспоминания, а как чужой, мучительный сон, навязанный извне. Она увидела эту женщину — Элиану — бледную, с пеной у рта, в дорогих покоях, а вокруг — чужие лица. Потом — быструю, тряскую поездку. И вот этот морг. Но бабушка была ещё жива. Сознание цеплялось за тело, отравленное, но не сломленное.

— Меня привезли сюда как труп. В этом городе так уничтожают тела бедняков и неопознанные тела без похорон, без свидетелей. Дезинтегратор. Чтобы не осталось ничего — ни тела, ни следов магии, которую можно изучить или воскресить.

И Кайя увидела. Увидела глазами бабушки. Как двое санитаров в синих халатах подкатили её каталки к тяжёлой металлической двери. Она пыталась говорить, шевелить пальцами. Хрипела: «Я жива». Один из санитаров, молодой парень с усталым лицом, встретился с ней взглядом и на секунду замешкался. Но его напарник, пожилой и грубый, буркнул: «Не создавай проблем. Ты уже официально мертва. Видимо, так нужно мэру».

Они закатили носилки в узкое, ярко освещённое помещение. Там было круглое окно на уровне каталки, а за ним — воронка из тёмного металла. Дезинтегратор. Женщина отчаянно упёрлась руками в края носилок, когда те начали въезжать в жерло аппарата. Она вцепилась

в рукав молодого санитара. Тот, с испуганным лицом, оторвал её пальцы.— Простите, — пробормотал он, глядя в сторону. — Приказ.

Ее руки оторвали от носилок и затолкали внутрь. В последний миг, перед тем как тьма и странный гул заполнили всё, женщина — бабушка Элиана — собрала последние крохи своей силы. Не для борьбы. Для послания. Ментальный крик, пробивающий ткань реальности, адресованный той, чья кровь отзовётся.

Девочки мои простите и прощайте

Боль пронзила Кайю. Не физическая. Это было сокрушительное чувство потери, разрыва самой глубинной связи, которой она даже не знала. Она содрогнулась, тяжело захватывая воздух, и обнаружила себя сидящей на ледяном столе морга. Настоящем. Вокруг — ещё несколько таких же пустых плит. Видение рассеялось, но чувство утраты и леденящий холод от стола были абсолютно реальными.

*Сон?*Нет. Слишком ясно, слишком больно.

Глава 8

Обнаружив себя сидящей на холодной столе, она осмотрелась и спрыгнула на пол, пошатнувшись. Осознала, что голая. Осмотрела стол, на котором лежала — ни одежды, ни рюкзака, ничего. Но рядом с краем, будто случайно обронённая, лежала небольшая карточка из плотного картона.

Она подняла её дрожащими пальцами.

Лицевая сторона:

Имя/Фамилия: _____ / _____Причина смерти: Укус ядовитой медузы (Aquila luminis)Статус: Неопознанное тело 47.

Оборотная сторона, заполненная отрывистым почерком:

Тело обнаружено на пляже Винсот, в приливной зоне, в 50 м. от городской стены. По показаниям патруля и нескольких «отдыхающих», девушка не успела выйти из воды до прилива. На берегу не найдено личных вещей, документов. В базе данных Эшфора за последние 5 дней информация о пропавших особах женского пола, подходящих по описанию, отсутствует. Рекомендация: ДИЗИНТЕГРАЦИЯ.

Дата и подпись следователя Фирстова А.Н.

Холод, на этот раз от осознания, сковал сильнее, чем лёд стола. Я не просто чудом выжила. Меня уже списали. Я — «неопознанное тело 47», готовое к уничтожению. А бабушка бабушка пыталась предупредить меня из самого небытия. Но я не буду ждать конца. Бежать. Бежать.

В углу помещения, на грубой железной вешалке, висел одинокий, мятый белый халат. Я натянула его на себя. Ткань была грубой и холодной, пахла хлоркой, но хоть что-то.

Дверь из камеры хранения тел вела не на улицу, а вглубь здания. И чем дальше я шла по серым, безоконным коридорам, тем сильнее сжималось сердце. Я узнавала это место. Не по памяти, а по тому самому видению-воспоминанию, навязанному бабушкой. Вот поворот, который та видела с каталки. Вот тяжёлая стальная дверь с табличкой «Камера 3. Только для персонала».

Я толкнула дверь. Перед ней открылось то самое узкое, ярко освещённое помещение. В дальнем конце — круглое, толстое смотровое окно, а за ним — воронка из тёмного, отполированного до блеска металла. Дезинтегратор. В воздухе стоял едва уловимый запах озона и чего-то выжженного дотла.

И тут воспоминания нахлынули с новой силой, уже не как видение, а как мой собственный, пережитый кошмар. Я *видела*, как носилки с ещё живой, отчаянно сопротивляющейся женщиной въезжали в это жерло. Слышала её последний, ментальный крик: «*Девочки мои простите и прощайте*».

Боль, острая и душевная, отозвалась в груди. Я схватилась за холодный край консоли у окна, чтобы не упасть. В ушах зазвенело.

И из-за этого звона я едва различила другой звук — копошение, лязг металла и негромкое ворчание. Он доносился из-за другой двери, прямо в этой же комнате, в противоположной стене.

Я заставила себя отпустить консоль и подошла к той двери. Приоткрыла её. За ней оказалась тесная подсобка, заставленная швабрами, вёдрами и рядами металлических шкафчиков. За ними, спиной ко мне, возился молодой парень в таком же белом халате. Он что-то бормотал себе под нос, собирая разлитый моющий раствор.

Я сделала шаг вперёд. Скрипнула половица.

Парень обернулся. Увидел меня — бледную, с мокрыми спутанными волосами, в грязном халате, с горящими лихорадочным блеском глазами. Его собственные глаза округлились. Рот открылся в беззвучном крике. Он отшатнулся, задел ведро, которое с грохотом опрокинулось.

— М-м-мамочка — выдавил он.

Но потом, присмотревшись, его испуганное лицо вдруг исказилось. Не страхом, а обидой и досадой. Он тяжело выдохнул, рука дрожащим жестом потянулась к сердцу, а потом он рассмеялся. Смех был нервным, срывающимся, но явно облегчённым.

— Ох ты ж Ох ты ж, гад такой! — прохрипел он, всё ещё давясь смешком. — Отличная попытка! Почти получилось! Чуть не поседел! Только как тебя, интересно, сюда протащили? Этот этот урод Рихард, конечно, решил новичка подколоть. «Напугай, — говорит, — Джекса призраком из дизинтегратора». Ну, у вас почти вышло. Я и правда на секунду подумал, что ты тот самый оживший мертвец.

Я замерла на долю секунды, мозг лихорадочно работал. “Подыграть? Ну не трупом же представляться? И не сбежавшей со “Скитальца”.”

Я сделала наигранно-обиженную улыбку. И даже рукой махнула, изображая досаду.

— Да уж, старалась я, старалась — голос почти не слушался, был хриплым, а я пыталась сделать его живым и игривым. — А тебя не проведешь, видно. Затащить-то меня затащили а как выбраться — не сказал. Гад. Теперь я тут заблудилась, и в чём пришла, в том и сижу.

Джекс, пытаясь казаться успокоившимся, снова почесал затылок, разглядывая меня.— Ну, Рихард — он такой. Любит подколоть. — прохрипел Джекс, всё ещё давясь нервным смешком и прижимая руку к груди. Он тяжело дышал, выдыхая воздух прерывистыми, свистящими глотками. — Чуть чуть сердце не выпрыгнуло. Идиот Рихард обязательно ему припомню.

— Ну, я же старалась, — повторяла я, не зная, что еще сказать, усиленно поддерживая легкомысленный тон, но наблюдая за ним. Он был на грани паники, и это могло быть опасно.

Джекс, наконец, немного успокоился, хотя его руки всё ещё дрожали. Он объяснил, как выйти: нужна была карточка персонала, чтобы открыть двери на выходе из служебной зоны. И ещё — «нить».

— Там, в проходе за главным архивом, — он понизил голос до таинственного шёпота, — натянута почти невидимая нить, на уровне колена. Смотри не задень. Она защищает морг.

— От чего? — спросила Кайя, делая вид, что просто любопытствует.

— Ну — Джекс замялся, потом махнул рукой. — Рихард брехает, конечно. Говорит, чтоб всякая нечисть не вылетала или призраки, чтоб не сбегали. — Он фыркнул, но в его глазах мелькнул неподдельный суеверный страх. — Бред, конечно. Наверное, просто сигнализация какая-то. Но лучше не трогать.

Призраки. Я мысленно сделала себе пометку. *Вдруг я и есть призрак? Ведь меня признали мёртвой. Или это клинки решили так меня убить, прям как, как бабушку? А меня реально укусила медуза или это была магия клинков?* Вопросов было много, но лучше обдумать их позже, в безопасном месте. А отсюда стоит побыстрее выбираться. В моей груди кроме этих вопросов сформировалось какое-то странное чувство, будто какие -то детали моей жизни и слова этой бабушки перекликаются и указывают на что-то. Но на что?

— Ладно, — сказал Джекс, вытирая лоб. — Я я сейчас отойду, воды попью, пропуск возьму. Ты тут посиди, не шуми. — Он ещё раз неуверенно оглядел меня и, пошатываясь, вышел из подсобки, оставив дверь приоткрытой.

Как только его шаги затихли, я бросилась к ряду шкафчиков. Большинство были заперты, но пара открывалась. В одном из них, явно женском, висели потрёпанные джинсы, простая тёмная футболка, а на полке лежали аккуратно свёрнутые лифчик и трусики. Я быстро натянула бельё — оно было чистым и на удивление подошло по размеру. На джинсы и футболку уже не хватило времени — в коридоре послышались возвращающиеся шаги и тяжёлое дыхание Джекса.

Я накинула халат поверх белья и отошла от шкафчиков, приняв невинный вид.

Джекс вернулся, держа в руке пластиковую карточку с потёртой полосой.— Вот, — протянул он. — Только, смотри, верни через Рихарда к вечеру. А то мне влетит. И про нить не забудь!

— Не забуду, — кивнула я, забирая пропуск. Тёплый пластик был странно успокаивающим в моей холодной ладони.

Он проводил меня по короткому лабиринту коридоров до неприметной двери с зелёной лампочкой.— Тут прямо, не потеряешься уже. Приложи карту и выходи. И удачи. Хорошо пошутили. Надолго запомню.

Он неуверенно улыбнулся и, словно боясь, что его увлекут в эту авантюру дальше, быстро зашагал обратно в глубину морга.

Кайя осталась одна перед дверью. Под грубым халатом её тело было прикрыто лишь тонким слоем ткани. В руке — пропуск. В голове — карта побега, боль потери и гложущий вопрос: *кто она теперь — Кайя, Кейла или призрак, застрявший между жизнью и смертью?*Она глубоко вдохнула запах хлорки и смерти и нажала на ручку.

Она прошла по небольшому широкому коридору, уперлась в турникет. А перед ним, натянутая в полуметре от пола, висела та самая «нить». Присмотревшись, Кайла увидела, что она не совсем невидима — в луче света она переливалась тончайшей радужной плёнкой, словно паутина, сотканная из кристаллов. Она аккуратно перешагнула через неё, почувствовав на коже лёгкое, леденящее по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.